
Ольга Закотянская
Странствия Дон Родриго Вальверде

Ольга Закотянская

Странствия Дон Родриго Вальверде

https://litres.ru/74394994
SelfPub; 2026

Аннотация

Это книга про человека, который хочет жить по совести в несправедливом мире. Провинциальный дворянин, зачитывается рыцарскими хрониками и однажды решает: хватит читать о подвигах — пора их совершать. Он надевает ржавые доспехи, сажает на кобылу крестьянина Педро и выезжает в мир.

Мир не просит подвигов. Мельницы не великаны, пастухи не хотят спасения, а каждый благородный жест оборачивается бедой. Оруженосец Педро считает реалы и ворчит пословицами, пока его господин видит драконов там, где стоят стоги сена. Но когда на пути встречается женщина, которой не нужна защита, а на горизонте появляется всадник в белых доспехах, знающий о Родриго больше, чем он сам, — иллюзии начинают рушиться.

Это «Дон Кихот» — об инфошуме, выгорании и цене идеализма. Как если бы «Маленький принц» встретился с современной реальностью и понял, что она не уступает. Ироничный, тёплый и горький роман о том, что иногда

единственный настоящий подвиг — увидеть мир таким, какой он есть, и не отказаться от него.

Содержание

Глава 1. В поисках истинного величия 5
Глава 2. Отражение в мутном стекле 10
Глава 4. Башня забытых истин 16
Глава 4. Испытание в трактире Маэстро Хиля 23
Глава 5. Испытание похлёбкой 31
Глава 6. Смех и железные доспехи 37
Глава 7. О столкновениях с ветряными исполинами и иных примечательных происшествиях 45
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Ольга Закотянская Странствия Дон Родриго Вальверде

Глава 1. В поисках истинного величия

Глава 1. В поисках истинного величия

Дорога к трактиру Маэстро Хиля вилась между выжженными солнцем холмами. Пыль, поднятая копытами Эль Трабуко, оседала на доспехах Родриго, превращая сверкающую сталь в тусклый серый панцирь. Родриго этого почти не замечал. Для него эта пыль была не грязью, а следом истории — будто сама почва Испании шептала легенды, которые только и ждали, чтобы их воплотили в делах.

— Заметил ли ты, Педро, как природа затихает в ожидании наших деяний? — торжественно вопросил он, стараясь придать голосу больше веса.

Педро, который в этот момент пытался удержать съехавший тюк с вяленым мясом и сыром, хмыкнул: — Природа

затихает потому, что птицы не слышат вашего голоса через этот шлем. А если слышат — предпочитают улететь подальше, пока нас не заметили те, кто не летает.

Родриго пропустил колкость мимо ушей. Он был из тех, кто слышит не слова, а смысл, который сам же в них вкладывает.

— Ты видишь лишь металл и кожу, Педро! — продолжил он, не сбавляя патетики. — А я вижу символ. Этот доспех — не просто защита от стрел, которых в наших краях не видели уже два столетия. Это обет: быть верным правде там, где все привыкли лгать ради выгоды.

Педро затянул кожаный ремень чуть сильнее, чем нужно, и Родриго невольно охнул. — Обеты — это хорошо, — спокойно ответил Педро. — Но если мы не поторопимся, мы пропустим завтрак у Маэстро Хиля. А его козлиное молоко с чесноком — единственное, что удерживает меня от того, чтобы бросить вас в первой же канаве.

— Твое приземлённое отношение к пище достойно похвалы за практичность, но недопустимо для спутника истинного рыцаря! — Родриго водрузил шлем на голову. Тот съехал набок, закрыв один глаз. — Мы отправляемся в путь не ради чревоугодия, но ради славы! Ради того момента, когда несчастный воззовёт к небесам о помощи… и мы окажемся рядом!

Педро молча закатил глаза. В реальности несчастные чаще всего взывали к местному старосте или пытались догово-

риться с налоговым сборщиком. Но спорить с Родриго в такие минуты было всё равно что убеждать мельницу, что она не исполин.

Выйдя на дорогу, Родриго глубоко вдохнул утренний воздух и замер, указывая мечом в сторону поля: — Видите ли вы те мельницы? Не кажутся ли они вам исполинами, затаившимися в ожидании битвы?

Педро посмотрел на мельницы. Те медленно вращали крыльями под лёгким ветром. Одна из опор явно подгнила: доски потемнели, а угол слегка просел. — Вижу мельницы господина Санчеса, — ответил он. — И вижу, что одна из них вот-вот обвалится из-за гнили в опорах. Если вы решите сразиться с ней… постарайтесь сделать это так, чтобы нас не завалило обломками.

Дон Родриго замер. Его лицо стало серьёзным; он обернулся к Педро с таким видом, будто тот только что открыл ему великую истину о мироздании. — Ты прав! Сражаться с ними сейчас было бы неосмотрительно — они явно ждут подкрепления! Мы должны быть хитрее врага. Мы обойдём их по краю леса и ударим там, где они меньше всего ожидают нас встретить!

Педро прикрыл ладонью лицо и тихо пробормотал что-то про святых, отвечающих за терпение простых людей.

Вдруг впереди показались две фигуры. Крестьяне в грубых льняных рубахах стояли у самой дороги, яростно жестикулируя и перекрикивая друг друга. Между ними лежал

свёрнутый кусок пергамента, который они жадно тянули на себя с обеих сторон.

— О, посмотри! — воскликнул Родриго, срываясь на галоп. — Несправедливость в самом неприглядном своём обличье! Два достойных мужа ссорятся из-за права владения… видимо, какой-то древней грамотой!

Педро вздохнул и ускорил шаг, чтобы не отстать: — Скорее всего, это спор о том, кто украл у кого козу или переставил межевой камень на три дюйма вправо. Но вы правы — выглядит эпично.

— Постойте, добрые люди! — прозвучал из-под шлема гулкий голос Родриго. — Укротите ваш гнев! Помните ли вы слова великих предков о том, что мир — это один большой сад, а мы лишь садовники в нём?

Крестьяне замолкли и синхронно обернулись. Один из них, с лицом красным от злости и пота, оглядел блестящие доспехи и плюмаж, который сейчас комично колыхался на ветру. — Гляди-ка, Педро! — крикнул он напарнику. — Кажется, к нам прискакал железный дурак из соседнего поместья!

Родриго не смутился. Он выпрямился ещё сильнее, едва не свалившись с седла от собственного величия. — Мой добрый друг! Оскорбления — удел слабых! Я здесь для того, чтобы рассудить ваш спор по всем канонам чести и справедливости. Покажите мне этот документ!

Второй крестьянин, до этого молча тянувший пергамент,

вдруг резко дёрнул его на себя — и пергамент с сухим треском разорвался пополам. Оба крестьянина уставились на свои половинки, будто только сейчас осознали, что натворили.

— Ну вот, — тихо пробормотал Педро, глядя на эту картину. — Теперь у них не спор, а трагедия. И, кажется, именно её вы и искали, господин мой.

Родриго медленно снял шлем, положил его на луку седла и посмотрел на крестьян уже не как рыцарь, а как человек, которому предстоит разбираться с последствиями чужой горячности. — Расскажите мне всё, — спокойно произнёс он. — С самого начала. Кто и когда дал вам эту грамоту? И что в ней было написано?

Один из крестьян нерешительно покосился на доспехи, потом на Педро, будто ища в нём союзника. — Это… это межевая запись, — пробурчал он. — От деда осталась. Только мы никак не поймём, где именно проходит граница…

Родриго кивнул, будто услышал именно то, что хотел услышать. — Значит, несправедливость здесь не в злодеянии, а в непонимании, — тихо сказал он, скорее себе, чем им. — А с непониманием мы справимся.

Педро едва заметно усмехнулся. Похоже, на этот раз вместо битвы их ждала долгая беседа у обочины дороги. Но, по крайней мере, никто не собирался кидаться камнями.

Глава 2. Отражение в мутном стекле

Глава 2. Отражение в мутном стекле

Трактир Маэстро Хиля встретил их шумом, запахом жареного сала и гулом голосов, которые сливались в единый, неразборчивый гул. Дон Родриго, не сбавляя величественного шага, прошёл в центр залы, и звон его доспехов на мгновение перекрыл общий шум. Посетители начали оборачиваться: кто-то с насмешкой, кто-то с любопытством, а кто-то — с явным недоумением, разглядывая старинный шлем и сияющий нагрудник.

Педро, стараясь держаться в тени своего господина, заставил себя не смотреть на лица людей, сосредоточившись на поиске свободного стола. Он чувствовал, как взгляды окружающих впиваются в спину Родриго, словно невидимые стрелы.

— Благородный муж! — провозгласил Дон Родриго, обращаясь к трактирщику, который замер с грязной тряпой в руках. — Мы просим убежища и трапезы в сём доме, ибо путь наш был долог, а усталость — велика.

Маэстро Хиль медленно поднял глаза, оценивая облик гостя. Его лицо, изборождённое морщинами, не выразило ни удивления, ни почтения — скорее он прикидывал, сколько

реалов стоит этот странный господин и стоит ли с ним вообще заводить разговор.

— Убежище есть, господин, — хрипло ответил трактирщик, усмехнувшись в седые усы. — А вот трапеза может и не понравиться: сегодня в меню только козлёнок с чесноком и кислое вино. Если вас не смутит отсутствие изысканностей — проходите к угловому столу.

Педро осторожно потянул господина за край плаща и шепнул на ухо: — Господин, давайте просто поедим. Тут даже скатертей нет, какие уж тут изысканности.

Родриго не обратил внимания на предостережение. Он с достоинством кивнул Маэстро Хилю и направился к столу — каждое движение исполнено торжественности, которая в этом прокуренном помещении казалась чужеродной и почти комичной. Педро лишь вздохнул и поспешил следом, надеясь, что до конца обеда их не освистит какая-нибудь компания местных пьянчуг.

Как только они уселись, Родриго расправил салфетку с таким видом, словно это был священный стяг. Педро невольно сжался, ожидая неминуемого скандала. Оруженосец разложил приборы, стараясь делать это максимально тихо и незаметно.

— Поглядите, Педро, — торжественно произнёс рыцарь, обводя взглядом тёмные стены трактира. — Как суров облик этого места! Но в этом и кроется истинная проба для странника: сохранять чистоту помыслов даже там, где воздух про-

питан копотью и нечистотой.

Педро, с трудом проглотив кусок черствого хлеба, буркнул в ответ: — Чистота помыслов — дело хорошее, господин. Но чистота тарелки — ещё лучше. Маэстро Хиль, будьте добры, принесите вина, чтобы смыть этот пепел из глоток.

Трактирщик вернулся с двумя глиняными кружками и поставил их на стол с таким грохотом, что вино выплеснулось на деревянную поверхность. Он смерил Родриго ироничным взглядом и, задержавшись на мгновение, негромко бросил: — Ищите врагов в другом месте, господин. Здесь враги только в бутылках с дешёвым бренди.

Родриго замер с поднятой кружкой. Глаза его сверкнули праведным огнём. — Вы смеете указывать мне, где искать зло? — голос его эхом разнёсся по залу, заставив нескольких посетителей обернуться. — Помните: там, где меньше всего ждёшь удара в спину, там он и будет нанесён! Рыцарь истинный не ищет войны, но всегда готов к ней!

Педро устало прикрыл глаза рукой. (Господи, дай мне сил дожить до конца этого дня и не стать частью чьего-нибудь посмешища.) Он осторожно отодвинул от господина общую тарелку с козлятиной, чтобы тот случайно не задел её блестящим наплечником.

Маэстро Хиль лишь пожал плечами и вернулся к своим делам, бросив на спину рыцаря взгляд, в котором ирония мешалась с жалостью. В трактире снова воцарился привычный шум, но теперь в нём слышались приглушённые смешки —

которые Родриго, разумеется, принял за почтение, подобающее его сану.

— Видите ли, Педро, — продолжил рыцарь, с достоинством расправляя спину, — даже в самом тёмном углу можно найти искру света. Этот человек, при всей своей грубости, обладает духом прямоты. Он говорит то, что думает, а не то, что должно быть сказано.

Педро, сосредоточенно обгладывая кость с остатками мяса, с трудом сдержал смешок. — Прямота — это хорошо, господин. Но когда она бьёт по лицу, становится не до раздумий о свете. Вы лучше съешьте мясо, пока оно совсем не остыло. Оно и так на вкус как старая подошва.

Родриго взял нож и вилку с такой осторожностью, будто орудовал ими в поле боя, где один неверный жест мог привести к гибели. — Благородство духа проявляется в умении видеть прекрасное в простых вещах. Посмотрите на это вино… оно напоминает мне о глубоких подвалах старинных замков, где хранились запасы для великих пиров.

Педро взглянул в свою кружку. Вино было мутным и отдавало уксусом; на дне плавал какой-то чёрный осадок. (Если это вино из замка, то замок давно сгорел дотла.)

— Это вино напоминает мне о том, что нам стоит поскорее покинуть это место, — пробормотал оруженосец. — Прежде чем кто-нибудь решит проверить крепость ваших доспехов на практике.

Родриго не ответил. Он смотрел в окно на сумеречную

улицу, и лицо его стало серьёзным и сосредоточенным — таким, каким Педро видел его только перед рассветом, когда господин стоял один в пустом зале поместья и смотрел на портреты предков.

— Мы здесь не ради вина и не ради отдыха, Педро, — тихо сказал Родриго, и впервые за день в его голосе не было пафоса. — Мы здесь потому, что долг зовёт нас дальше. Но скажи мне честно: ты веришь, что то, что мы делаем, имеет смысл?

Педро замер с кружкой у губ. За весь день — со сборов, с дороги, со спора крестьян у обочины — Родриго ни разу не спросил его мнения. Только сейчас, в самом нелепом из возможных мест, в трактире с мутным вином и козлёнком на чесноке, он вдруг спросил — по-настоящему.

— Я верю, что вы верите, — осторожно ответил Педро. — А это уже что-то.

Родриго медленно кивнул. На мгновение он показался Педро не нелепым рыцарем в потрёпанном плюмаже, а уставшим человеком, который выбрал путь и не знает, ведёт ли он куда-нибудь.

Тишину нарушил грохот. Дверь трактира распахнулась, впустив порыв холодного ветра и облако пыли. На пороге стоял человек в потёртом плаще — невысокий, жилистый, с лицом, на котором следов от_recent_ драк было больше, чем чистых мест. Он окинул зал взглядом, задержался на блестящих доспехах Родриго и усмехнулся.

— Я ищу Дон Родриго де Вальверде, — сказал он негромко, но голос его разнёсся по всему залу. — Мне сказали, что он едет по этой дороге и… помогает людям.

Посетители притихли. Маэстро Хиль за стойкой перестал протирать кружку. Педро почувствовал, как у него холодеет живот — не от страха, а от предчувствия: что бы ни последовало за этими словами, спокойный вечер в трактире только что закончился.

Родриго медленно встал. Шлем он надевать не стал — только выпрямился и посмотрел незнакомцу в глаза.

— Я Дон Родриго де Вальверде, — сказал он. — Чем могу помочь?

Незнакомец шагнул внутрь и закрыл за собой дверь.

Глава 4. Башня забытых истин

Рано утром, когда первый серый свет просочился сквозь щели в досках окна, дон Родриго уже стоял на ногах, с энтузиазмом затягивая ремни нагрудника. Педро, с трудом разлепив затёкшие глаза, наблюдал за этой суетой, пытаясь собрать разбросанные вещи.

— Неужто вы собираетесь отправиться в путь ещё до рассвета? — прохрипел оруженосец, с трудом поднимаясь с пола. — В этом трактире даже завтрак подают с задержкой, а без еды ваш конь не пройдёт и десяти лиг.

— Повинуясь зову долга, Педро, мы не можем позволить себе праздную медлительность, — торжественно ответил Родриго, поправляя шпоры. — Мир пробуждается, и вместе с ним пробуждаются беды, кои только и ждут доброго сердца, чтобы обрести покой.

Педро только вздохнул. Он видел, что господин пребывает в особенно приподнятом настроении — это обычно означало, что впереди их ждёт очередная нелепая затея.

Внизу, в общем зале, было непривычно тихо: лишь пара заспанных путников допивала остатки вчерашнего вина. Маэстро Хиль, обнаружив гостей у стойки, неохотно выставил две миски с чем-то, напоминавшим кашу из овечьего хвоста.

— Ваш завтрак, синьоры. И если намерены покинуть нас так рано, прошу расписаться в книге посещений — для от-

чётности перед властями.

Родриго размашистым почерком вывел имя и титул, после чего с достоинством кивнул хозяину: — Благодарю вас за кров и пищу, добрый человек. Мы покидаем ваше заведение с лёгкостью на сердце.

— Только постарайтесь не создать лишних хлопот по дороге, — буркнул Хиль, принимая книгу обратно. — А то и без вашего «света истины» у нас хватает забот.

Выйдя на улицу, Родриго глубоко вдохнул утренний воздух и обернулся к оруженосцу с сияющим лицом: — Чувствуешь ли ты это, Педро? Воздух пропитан предвкушением свершений! Мы отправляемся туда, где нас ждут великие дела!

Педро молча повёл коня вперёд. На его лице читалась обречённость — он знал, что сегодня они наверняка встретят кого-то или что-то, что превратит их дорогу в очередной урок смирения.

Дорога, изрезанная глубокими колеями от телег, уводила прочь от деревни, в сторону седых холмов, окутанных утренним туманом. Родриго, восседая в седле с безупречной выправкой, с каждым шагом обретал всё больше уверенности.

— Посмотри, Педро! — воскликнул он, указывая вперёд. — Видишь ли ты ту старую башню на вершине утёса? Какое печальное зрелище — памятник былому величию в таком запустении. Несомненно, там томится в плену некая знатная особа или хранится древний артефакт, ждущий своего ис-

тинного владельца.

Педро прищурился. — Это старая сторожевая вышка, синьор. Там даже крыши нет — только обломки камней и, если повезёт, пара одичавших коз. Никто там не томится, кроме ветра и пыли.

— Ты всегда стремишься упростить прекрасное! — воскликнул Родриго с искренним сожалением. — Разве не в этом заключается истинная суть рыцарства — видеть за руинами былое величие и стремиться вернуть ему славу?

— В этом заключается ваше рыцарство, синьор. А моё — убедиться, что к обеду у нас останется хоть что-то съедобное. Посмотрите на дорогу — она ведёт к городу, а не к легендам.

— Легенды живут там же, где и люди! — парировал Родриго, и в глазах его вспыхнул огонь. — И если легенда ведёт нас к той башне, значит, именно там сегодня и проходит наш путь.

Он резко развернул коня и, не дожидаясь ответа, поскакал в сторону утёса, подняв облако серой пыли. Педро постоял мгновение, глядя ему вслед, а затем с обречённым видом побрёл следом.

У подножия утёса их встретила тишина, прерываемая лишь свистом ветра в каменных расщелинах. Родриго, спешившись, с благоговением коснулся шершавого камня. Он видел не груду обломков, а молчаливого свидетеля былых времён.

— Взгляни, Педро! Эти стены помнят времена, когда

честь ценилась выше золота. Неужели мы оставим это святилище на растерзание стихиям?

Педро, тяжело дыша от подъёма, окинул взглядом заросший сорняками склон и обвалившуюся часть стены. — Тут даже охранять нечего, синьор. Единственное, что может здесь томиться в плену — это какой-нибудь старый ворон с перебитым крылом.

Родриго не слушал. Он уже взобрался на остатки лестницы и вступил внутрь башни. Внутри было холодно и сыро; пыль лежала толстым слоем, а с потолка свисали клочья паутины. Вооружившись мечом, рыцарь осторожно продвигался вперёд, прислушиваясь к каждому шороху.

— Кто здесь? — громогласно воззвал он в пустоту. — Я, дон Родриго де Вальверде, пришёл, чтобы восстановить справедливость и избавить сие место от гнёта забвения!

В ответ раздалось глухое ворчание. Из тени в углу, заваленного старым хламом, показался облезлый пёс с одним глазом и висячим ухом. Он с опаской посмотрел на сияющие доспехи Родриго и, издав звук, подозрительно похожий на смешок, медленно удалился обратно в темноту.

— Видишь ли ты? — торжественно объявил Родриго, оборачиваясь к Педро. — Даже животные здесь чувствуют присутствие защитника!

— Этот пёс чувствует запах вашего обеда в сумке, синьор. И он знает, что вы не сможете его догнать — слишком много железа мешает вам быстро двигаться.

Педро, разглядывавший кучу ржавых цепей и треснувших кувшинов, вдруг замер. Между камнями, у самой стены, что-то поблёскивало. Он присел на корточки и осторожно потянул — из-под обломка выскользнул небольшой медальон на истлевшей цепочке. На лицевой стороне был вытравлен герб: вздыбленный лев, обвитый виноградной лозой. На оборотной — полустёртая надпись на латыни.

— Синьор, — Педро окликнул Родриго, который в этот момент декламировал обращения к невидимым духам башни. — Синьор, идите сюда.

Родриго подошёл, всё ещё держа меч наготове. Педро молча протянул ему медальон.

Родриго взял его обеими руками. Лицо его изменилось — не торжественность, не пафос, а что-то другое, тихое и непубличное. Он провёл большим пальцем по стёртой надписи, и пальцы его едва заметно дрогнули.

— Это герб дома Альварес, — сказал он негромко. — Они владели землями к западу отсюда. Лет тридцать назад… их род прервался.

— Откуда вы знаете? — удивился Педро.

— Мой отец рассказывал. Дон Альварес был последним, кто носил этот знак. Он погиб в стычке с разбойниками — один, без оруженосца, без свидетелей. Его тело нашли у дороги, а медальон исчез. Все решили, что его сняли грабители.

Педро посмотрел на медальон, потом на башню, потом

на Родриго. В голове у него складывалась простая и неутешительная картина: кто-то выбросил медальон сюда, потому что он не стоил ни одного реала — потёртый, с полустёртой надписью, на гнилой цепочке. Но Родриго смотрел на него так, будто держал в руках не кусок меди, а свидетельство, которое тридцать лет ждало, чтобы его нашли.

— Значит, мы не зря сюда пришли, — произнёс Родриго, и впервые за день в его голосе не было ни капли напускного величия. — Этот человек заслужил, чтобы кто-то вспомнил его имя.

Педро промолчал. Он хотел сказать, что медальон мог принадлежать кому угодно — разбойнику, который снял его с убитого, торговцу, купившему его за гроши и выбросившему за ненадобностью. Но не сказал. Вместо этого он снял с шеи пустой мешочек и протянул его Родриго.

— Положите сюда. Цепочка всё равно порвётся, если носить на шее.

Родриго осторожно опустил медальон в мешочек и убрал его за пазуху, под нагрудник, ближе к телу. Затем он встал, отряхнул колени и посмотрел на Педро уже привычным взглядом — ясным и торжественным.

— Ты видишь, друг мой? Даже руины хранят память. Мы пришли сюда, думая, что ищем великое деяние, а нашли нечто большее — долг перед тем, кого забыли.

— Я вижу, что солнце уже высоко, — ответил Педро, — а до ближайшей деревни ещё два часа пути. И если мы не

поторопимся, то единственным великим деянием на сегодня станет наша голодная смерть на дороге.

Родриго улыбнулся — не пафосной улыбкой пророка, а простой, человеческой.

— Тогда идём. Но запомни этот день, Педро. Запомни его, когда однажды тебе покажется, что всё это не имеет смысла.

Они спустились с утёса — Родриго на коне, Педро пешком, как обычно. За их спинами башня, лишённая крыши и половины стены, продолжала медленно разрушаться, как делала это последние тридцать лет. Но теперь в ней не было пустоты. Теперь в ней лежал ответ на вопрос, который никто не задавал три десятилетия.

А по дороге, извиваясь между холмами, уже виднелись первые крыши деревни. Педро прибавил шагу, думая о горячей похлёбке и куске хлеба. Родриго ехал чуть впереди, и рука его время от времени касалась нагрудника — там, под сталью, в пыльном мешочке, лежал медальон дома Альварес.

Глава 4. Испытание в трактире Маэстро Хиля

Распахнув дверь, дон Родриго замер на пороге, заполнив собой весь проём, — и двое мужчин, стоявших друг против друга, мгновенно умолкли. Оборванный крестьянин с лицом, красным от ярости, всё ещё тяжело дышал; его крепко держал за воротник сосед — тот самый, чьи пальцы впивались в грубую ткань рубахи. В зале на миг повисла тишина, нарушаемая лишь скрипом половиц да шорохом осыпавшейся с потолка трухи.

— Остановите свои раздоры! — воззвал Родриго, воздев руку. — Помните, что мир и так полон страданий, и не подобает христианину умножать раздор там, где должна царить братская любовь. Отпустите его, добрый сир, ибо истинное величие заключается не в силе рук, а в великодушии сердца!

Двое мужчин переглянулись, потом одновременно уставились на начищенный нагрудник рыцаря. Тот, что крепче сжимал чужой воротник, медленно разжал пальцы, глядя на дона Родриго так, будто перед ним стояло привидение — или очень крупный и очень странный жук.

— Величие… — прохрипел он, сплёвывая на пол. — Ты что, из цирка сбежал, господин в консервной банке?

Педро, успевший проскользнуть в зал и оставить вещи у

стены, с тоской наблюдал за сценой из-за плеча господина. Он знал этот взгляд у местных: человек либо рассмеётся в голос, либо первым нанесёт удар.

— Ваша грубость лишь подчёркивает глубину вашего смятения, — невозмутимо продолжал Родриго, делая шаг вперёд. — Не ищите виноватых в себе, но обратитесь к высшим истинам! Скажите мне: какая обида столь велика, что заставила вас забыть о приличиях? Я готов выслушать обе стороны и дать справедливое решение.

Один из спорщиков, потирая шею и злобно ухмыляясь, обернулся к трактирщику Хилю, который всё это время стоял в дверях с выражением крайнего любопытства на лице.

— Слышь, Хиль! Глянь-ка, нам тут судья явился! Прямо из сказок старой бабки. Может, он ещё и коня нам за счёт заведения предложит?

Зал отозвался глухим смешком. Родриго слегка помрачнел, но достоинство не оставило его. Он выпрямил спину ещё сильнее, отчего доспехи жалобно скрипнули.

— Смех есть щит глупца, — произнёс он с достоинством. — Но я не отступлю от своего долга. Выше любого смеха стоит правда и справедливость.

Педро тихонько качнул головой:

— Господин… они просто хотят допить вино и чтобы их оставили в покое. Давайте лучше найдём комнату. Там хотя бы крыша не протекает так сильно.

Маэстро Хиль, до этого молча наблюдавший за представ-

лением, наконец шагнул вперёд, разводя руками в нарочито приветственном жесте.

— Доброго времени дня, любезный господин! — пробасил он. — Редко в наших краях увидишь столь… выдающийся наряд. Позвольте предложить вам лучшую комнату и самое отборное вино, ибо вы явно прибыли издалека.

Дон Родриго величественно кивнул, принимая подобострастие трактирщика за истинное рыцарское почтение. Педро тяжело вздохнул и осторожно потянул господина за рукав, стараясь отвести его от особенно грязного стола, за которым с интересом наблюдали несколько местных крестьян.

— Видите ли, добрый человек, — произнёс Родриго, останавливаясь посреди общего зала, — мы пребываем в странствии, ища истину и защищая угнетённых. Мой верный оруженосец и я нуждаемся в кратком отдыхе, дабы восстановить силы перед дальнейшим путём. В каких покоях мы можем обрести покой?

Маэстро Хиль на мгновение замялся, обменявшись с кем-то из своих слуг быстрым взглядом. На губах хозяина заиграла тонкая, едва заметная улыбка — та самая, которую Педро сразу узнал: так улыбается торговец, обнаруживший в кошельке покупателя лишнюю монету.

— О, безусловно! Для такого знатного кавалера у нас найдётся самое достойное место, — Хиль жестом указал на лестницу, ведущую на второй этаж. — Прошу вас. Ваше появление здесь — истинная удача для нашего скромного заведе-

ния.

Педро, сгрузивший вещи с лошадей и теперь стоявший с одним лишь узлом в руках, тихо пробормотал под нос:

— Удача для него… чтобы задрать цену вдвое. Господин, может быть, нам стоит поискать другое место? Здесь пахнет так, будто в подвале кто-то сдох ещё до нашего рождения.

Но дон Родриго был непоколебим. Одарив оруженосца кротким взглядом, он вновь обратился к трактирщику, расправив плечи так, что нагрудник скрежетнул о застёжки.

— Благодарю за ваше радушие, почтенный муж. Ибо в пути рыцарь должен быть чуток к знакам провидения, а ваше предложение — именно тот знак, что укажет нам верный путь в эти смутные времена.

С этими словами он величественно направился к лестнице, оставляя Педро одного в центре зала. Оруженосец сдавленно выругался и поспешил вслед за господином, стараясь не наступить в лужу сомнительного происхождения, растекавшуюся у самого порога. Он чувствовал на себе взгляды местных жителей — смесь насмешки и недоверия, — но больше всего его заботило то, как быстро эта «удача» обернётся для них бедой.

Поднявшись на второй этаж, они обнаружили узкий коридор с низкими потолками. В конце его виднелась дверь, за которой, судя по звукам, кто-то громко спорил. Дон Родриго остановился, прислушиваясь с видом глубокого раздумья.

— Слышите ли вы, Педро? — торжественно прошептал

он. — В стенах этого заведения кипят страсти! Вероятно, мы стали свидетелями раздора между двумя благородными душами. Наш долг — прийти на помощь и восстановить согласие там, где воцарилась распря.

Педро смерил господина взглядом, в котором читалось желание немедленно развернуться и уйти обратно к лошадям.

— Господин, это всего лишь двое пьянчуг спорят из-за недоеденного куска сыра. Позвольте мне занести вещи в комнату, а потом мы спустимся и…

Но дон Родриго уже взялся за рукоять меча. Его глаза сияли праведным огнём: он видел не пьяных крестьян в обрывках тряпья, а две конфликтующие династии, чьё будущее зависело от его мудрости. Решительным шагом он направился к двери, готовый обрушить на спорщиков всю мощь своего рыцарского красноречия.

И тут дверь распахнулась сама. На пороге возник коренастый мужчина в засаленном фартуке — один из помощников Хиля. Увидев сверкающие доспехи, он на секунду замер, а потом хрипло буркнул:

— Тут занято. И вообще, тут не для благородных.

Родриго приосанился.

— Я, дон Родриго де Вальверде, пришёл не для того, чтобы нарушать покой, но чтобы восстановить справедливость и избавить сие место от гнёта раздора!

Помощник трактира медленно моргнул, потом посмотрел

на Педро, будто ища у него объяснения.

— Да тут и раздора-то нет, — проворчал он. — Просто купец не хочет платить за разбитую кружку. А платить придётся.

Родриго на мгновение растерялся — будто ему показали, что величественная буря, которую он собирался усмирить, оказалась всего лишь сквозняком. Но уже в следующую секунду его лицо вновь приняло торжественное выражение.

— Тогда я помогу вам найти слова, способные смягчить сердце купца!

Педро наконец не выдержал. Он шагнул вперёд и, понизив голос, сказал:

— Господин, давайте сперва получим свою комнату. А справедливость… она никуда не убежит.

Помощник, явно обрадовавшись появлению союзника, кивнул в сторону соседней двери:

— Вот эта свободна. Но предупреждаю: кровать скрипит, а из окна дует. И плату вперёд.

Родриго хотел было произнести речь о доверии и чести, но Педро незаметно наступил ему на край плаща. Рыцарь замолчал, сдержанно кивнул и позволил оруженосцу достать кошелёк.

Комната оказалась именно такой, как и обещал помощник: тесной, с низкой балкой над входом, скрипучей кроватью и окном, из которого действительно ощутимо дуло. Педро поставил узел в угол и с облегчением выдохнул.

— Ну вот, — сказал он, закрывая дверь. — Теперь можно просто посидеть и не спасать мир хотя бы до ужина.

Родриго медленно снял шлем и положил его на стол. Он оглядел комнату, и в его взгляде не было разочарования — скорее, он словно примерял это место к какой-то внутренней картине.

— Скромность обстановки лишь подчёркивает величие духа, — тихо произнёс он. — Истинный рыцарь не должен быть рабом комфорта. Напротив, лишения закаляют волю и очищают сердце от всего лишнего.

Педро только хмыкнул, присаживаясь на край кровати и проверяя, насколько громко она заскрипит. Скрипнула сразу и основательно.

— Пусть закаляет, — пробормотал он. — Главное, чтобы завтра ноги не отказали от этой закалки.

Родриго подошёл к окну, осторожно отодвинул рассохшуюся ставню и посмотрел на улицу. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая крыши деревни в тёплый, почти золотистый цвет.

— Посмотри, Педро, — негромко сказал он. — Даже в этом месте есть своя красота. Не в золоте и не в роскоши, а в тишине перед вечером, в запахе дыма, в том, как свет ложится на камни. Разве это не достойно уважения?

Педро поднял голову и тоже посмотрел в окно. И вдруг понял, что Родриго прав — не в пафосных словах, а в том, что он действительно это видит. И ценит.

— Достойно, — согласился Педро, чуть помолчав. — Только пусть эта красота не требует от нас слишком большой платы.

Родриго улыбнулся — не торжествующей улыбкой пророка, а простой, человеческой.

— Не потребует, — пообещал он. — Сегодня мы просто отдохнём. А завтра… завтра посмотрим, куда позовёт нас долг.

Он сел на стул, который тоже предательски скрипнул, и принялся неторопливо расстёгивать застёжки доспехов. Педро достал из сумки хлеб и вяленое мясо, разделил на две части и одну протянул господину. Родриго взял кусок, кивнул в знак благодарности и откусил, не произнося ни слова.

В комнате становилось темнее. За стеной всё ещё слышались приглушённые голоса, но теперь они казались не угрозой, а просто частью жизни этого места. Педро подумал, что впервые за долгое время они с Родриго не спешат, не бегут от беды и не бросаются навстречу опасности. Они просто сидят в маленькой комнате, едят чёрствый хлеб и слушают, как затихает деревня.

А где-то внизу Маэстро Хиль снова протирал кружку, поглядывая на лестницу и думая, что рыцарь, может, и странный, но платит исправно. И что, возможно, это и есть самая настоящая справедливость: не громкие слова, а честный расчёт и крыша над головой.

Глава 5. Испытание похлёбкой

Педро с нескрываемым сочувствием наблюдал, как дон Родриго с благородным достоинством отправляет в рот очередную ложку серого варева. Лицо рыцаря стало пунцовым, в глазах застыла решимость, граничащая с отчаянием, но спина оставалась прямой. Каждый глоток давался ему с трудом, словно он проглатывал не еду, а раскалённые угли.

Здоровяк в кожаном жилете переглянулся с товарищами, и насмешка в их взглядах начала сменяться недоуменным уважением. Они привыкли видеть людей, которые сдавались при первой же неприятности, но этот странный господин в старинных доспехах упорно продолжал трапезу, несмотря на очевидное страдание.

— Вы или святой, или сумасшедший, сеньор, — наконец произнёс здоровяк, опираясь локтем о стол. — Или и то, и другое сразу.

Дон Родриго, с трудом сглотнув последний кусок чёрствого хлеба, вытер губы салфеткой и посмотрел на своего оппонента с глубоким спокойствием.

— Истинная добродетель часто принимается за безумие теми, кто привык видеть лишь поверхность вещей, — ответил он, расправляя плечи. — Но именно в такие мгновения закаляется дух, коим владеют лишь те, кто посвятил себя служению высшему идеалу.

Педро, который к этому времени уже закончил с обедом, невольно улыбнулся. Он знал своего господина достаточно долго, чтобы понять: дон Родриго даже в этом нелепом споре сумел увидеть повод для торжественной речи. Однако даже для него этот акт самопожертвования ради пустых насмешек казался излишним.

— Пойдёмте, господин, — тихо сказал оруженосец, поднимаясь со скамьи. — Ваша честь спасена, а желудок… боюсь спрашивать. Давайте лучше вернёмся в комнату и отдохнём; завтра нам предстоит долгий путь.

По пути к лестнице к ним подошёл маэстро Хиль, подобострастно кланяясь и указывая на пустую тарелку.

— Сеньор! Ваша выдержка поразительна! Позвольте предложить вам за это бесплатный кувшин нашего лучшего вина из погреба — в знак признания вашей доблести.

Дон Родриго остановился и с лёгким сожалением взглянул на хозяина трактира.

— Благодарю вас, добрый человек, но рыцарь должен сохранять ясность ума даже в часы отдыха. Вино может затуманить чувства и ослабить волю, что недопустимо для того, кто ищет истину в этом обманчивом мире.

Педро лишь вздохнул и подтолкнул господина в сторону лестницы. «Вместо вина лучше бы выпили стакан воды», — подумал он, глядя на бледнеющее лицо своего господина.

В комнате было тихо. Родриго сел на скрипучий стул, снял

перчатки и провёл ладонью по лицу, будто стирая с себя тяжесть чужих насмешливых взглядов. Педро молча достал из сумки флягу с водой и протянул её господину. Тот принял сосуд без лишних слов, сделал несколько долгих глотков и наконец позволил себе чуть расслабиться.

— Знаешь, Педро, — негромко произнёс он, ставя флягу на стол, — когда я был юн, мой наставник говорил: «Рыцарство — это не только умение держать меч. Это умение держать лицо, когда всё вокруг смеётся над тобой».

Педро присел на край кровати, осторожно, чтобы не спровоцировать очередной оглушительный скрип.

— Тогда ваш наставник был мудрым человеком. Но я бы добавил: рыцарство — это ещё и умение вовремя уйти из трактира, пока тебе не предложили в награду не вино, а должность шута при дворе.

Родриго едва заметно улыбнулся.

— Ты всегда смотришь на вещи практичнее, чем я. И, признаться, это спасает нас чаще, чем моя доблесть.

Педро пожал плечами.

— Кто-то должен смотреть на дорогу, пока другой смотрит на звёзды. А дорога, между прочим, завтра будет длинной. Может, стоит лечь пораньше?

Родриго кивнул, но не спешил подниматься. Он задумчиво повертел в пальцах ложку, которую зачем-то принёс из зала, потом положил её на стол и провёл пальцем по выемкам на рукояти — будто искал в простой вещи какой-то скрытый

смысл.

— Иногда мне кажется, Педро, что весь мир устроен так, чтобы испытывать нашу веру в идеалы. Сначала — разбойники в лесу, потом — насмешки в трактире, а завтра, возможно, предательство там, где мы ждём поддержки. Но если мы позволим себе усомниться в каждом шаге, то не пройдём и половины пути.

— А иногда мир устроен просто: есть плохая похлёбка, есть усталые люди и есть ночь, которая лечит почти всё, — спокойно ответил Педро. — И если вы сейчас не ляжете, то завтра мы не сможем пройти и четверти пути. Потому что вы будете слишком заняты тем, что пытаетесь не упасть с коня.

Родриго снова улыбнулся — на этот раз искренне, без торжественности.

— Ты прав. Как всегда.

Он поднялся, потянулся, разминая затёкшие плечи, и подошёл к окну. Ставень приоткрылся с жалобным скрипом, впуская в комнату прохладный вечерний воздух. За окном деревня медленно погружалась в сумерки: на крышах лежал мягкий свет заката, в переулках мелькали редкие фигуры, а вдалеке, на окраине, кто-то разводил костёр, и тонкие струйки дыма тянулись вверх, растворяясь в синеве неба.

— Красиво здесь, — тихо сказал Родриго. — Даже среди этой грязи и насмешек есть своя тишина. И она… успокаивает.

— Да, — согласился Педро, укладываясь на кровать и

прикрывая глаза. — Пусть она сегодня вас и убаюкает.

Родриго ещё немного постоял у окна, вглядываясь в угасающий день, потом закрыл ставень, вернулся к стулу и начал неторопливо снимать доспехи. Металл глухо звякал, падая на пол, и каждый звук был похож на окончание очередного маленького сражения.

Когда он наконец лёг на кровать — на ту самую, что протестовала каждым своим пружинным вздохом, — в комнате воцарилась тишина. Педро уже дышал ровно, погрузившись в сон. Родриго лежал, глядя в тёмный потолок, и думал о том, что завтра их снова ждёт дорога. И неизвестно, что будет труднее: встретить врага лицом к лицу или снова услышать смех за спиной.

Но сейчас, в этой тесной комнате, среди скрипов и запахов старого трактира, он вдруг почувствовал странную уверенность: пока рядом есть тот, кто вовремя скажет «пойдёмте, господин», пока есть простая вода вместо вина и тихий голос, напоминающий, что звёзды не погаснут, если ты просто поспишь, — значит, путь продолжается.

А внизу, в зале, маэстро Хиль протирал кружку и тихо переговаривался с помощником.

— Странный он, этот рыцарь, — пробормотал помощник, кивая в сторону лестницы.

Хиль хмыкнул, почесал подбородок и поставил кружку на полку.

— Странный, да. Но платит честно. А честность нынче

встречается реже, чем рыцари. Пусть спит. Завтра уедет, и мы снова будем жить, как жили.

Помощник кивнул, будто соглашаясь с чем-то большим, чем просто слова о постояльце.

И трактир, наполненный запахами еды, дыма и усталых людей, медленно затихал, укутываясь в ночную тишину, словно в старое, потрёпанное, но надёжное одеяло.

Глава 6. Смех и железные доспехи

Глава 6. Смех и железные доспехи

Трактир Маэстро Хиля встретил их шумом, запахом жареного сала и тяжёлым, как сырая земля, перегаром. Люди, сидевшие за длинными дубовыми столами, затихли, когда в дверях возникла фигура в начищенном до блеска металле. Свет редких свечей отразился в нагруднике и шлеме, превращая дона Родриго в подобие начищенного медного чайника, который, вопреки всем законам физики, решил самостоятельно прогуляться по главной улице города.

Педро, ссутулившись, проскользнул следом за господином, стараясь держаться в тени массивных колонн. Он видел, как по залу разлетелись смешки — тихие, но колючие, как сосновые иголки. Маэстро Хиль, владелец заведения, смерил рыцаря взглядом, в котором недоумение смешалось с деловым расчётом: он явно прикидывал, сколько за одну только компанию такого господина можно содрать с неопытных путников.

— Отрада моим глазам! — провозгласил дон Родриго, ничуть не смутившись наступившей тишиной. — Добрый человек, укажи нам место, где мы могли бы утолить голод и

дать отдых нашим верным коням! Ибо путь наш был долог и труден, а справедливость не терпит промедления!

— Будет вам место, господин… — Хиль замялся, подбирая слово. — Господин благородный. Проходите к дальнему столу, там меньше сквозняков и больше места для вашего… снаряжения.

Педро схватил господина за локоть и осторожно потянул в сторону указанного стола.

— Дорогой мой, — прошептал он на ухо Родриго так тихо, чтобы слышал только он один, — могу я предложить вам снять шлем? Чтобы вы могли видеть, кто именно над вами смеётся, и чтобы ваши слова не отражались от стен и не возвращались вам в лицо.

Дон Родриго остановился, величественно расправив плечи.

— Ты предлагаешь мне обнажить главу перед лицом неведомых людей? Педро, рыцарь должен быть готов к любому повороту судьбы, будь то внезапный призыв к бою или… неожиданный вопрос о происхождении его рода!

Смех в зале стал громче. Один из посетителей, обрюзгший мужчина с красным лицом и переполненным кубком вина, подался вперёд и с ехидством воскликнул:

— Скажите-ка нам, благородный сир! В какой именно части вашего тела спрятан ваш разум: под забралом или где-то в районе подмышек? Ибо мы давно не видели здесь столь блестящих доспехов — и столь странных людей в них!

Дон Родриго замер, и на мгновение в трактире воцарилась такая тишина, что было слышно, как капли жира падают с потолка в чугунные сковородки на кухне. Он медленно обернулся к смеющемуся мужчине, и в его взгляде не было ни тени гнева — лишь бесконечное, почти святое сострадание.

— Добрый сир, — промолвил он, и голос его, усиленный металлическим эхом шлема, разнёсся по всему залу, — ваше остроумие столь же остро, как и лезвие доброго меча, но помните, что истинная мудрость не в том, чтобы видеть странность в другом, а в том, чтобы осознать её в самом себе. Ваше сердце просит смеха, ибо оно изголодалось по истинному благородству, которое ныне стало столь же редким, как и моя броня в этих землях.

Мужчина с кубком открыл было рот, чтобы ответить, но слова застряли у него в горле. Он недоумённо моргал, глядя на неподвижного рыцаря, который с абсолютно серьёзным видом ждал его реакции. Постепенно смешки за соседними столами затихли; люди переглядывались, чувствуя, как неловкость момента перерастает в странное, неопознанное смущение.

Педро, воспользовавшись паузой, осторожно усадил господина на скамью и поспешно разложил перед ним салфетку.

— Сейчас всё будет, — проворчал он хозяину трактира, заказывая еду. — Только попробуйте подать нам остывшее рагу или прокисшее вино. Господин очень привередлив в вопросах вкуса… и достоинства.

Маэстро Хиль принёс заказ с видом человека, который обнаружил в своём заведении разрыв в пространстве и времени. Поставив перед Родриго миску с густым бурым рагу, он остался стоять рядом, не в силах отвести взгляд от начищенного нагрудника. В трактире вновь зазвучали голоса, но теперь они сливались в приглушённый гул — посетители обсуждали гостя вполголоса, стараясь не привлекать к себе внимания.

— Приступайте, господин, — пролепетал хозяин, неловко переминаясь с ноги на ногу. — Пока оно ещё дымится.

Дон Родриго торжественно кивнул и попытался поднести ложку к шлему. Металл скрежетнул о забрало, и ложка бессильно упала обратно в миску, забрызгав жирными каплями доспехи. Педро, мгновенно среагировав, перехватил руку господина и с извиняющейся улыбкой обернулся к замершим зрителям.

— Прошу прощения, — пробормотал оруженосец, ловко снимая с головы Родриго шлем. — Мы ещё только осваиваем некоторые технические сложности нашего снаряжения.

Когда шлем оказался на столе, по залу прошёл коллективный вздох. Лицо дона Родриго оказалось молодым, почти юношеским, с ясным лбом и открытыми глазами, в которых светилось искреннее, не замутнённое ни капелькой иронии благоговение перед миром. Он не выглядел как безумец; он выглядел как человек, который только что вышел из очень красивого и очень старого сна.

— Вот теперь мы можем приступить к трапезе с подобающим достоинством! — воскликнул Родриго, сияя от радости. — Педро, друг мой, ты прав: свежий воздух и тёплое помещение возвращают мысли на свои места.

Он наклонился к миске, зачерпнул ложку рагу и замер, будто прислушиваясь к собственным ощущениям.

— Чувствуешь, Педро? — тихо произнёс он. — В этом простом блюде — вся суть странствий. Горечь лука, тяжесть бульона, хруст корки… Это не просто еда. Это напоминание о том, что мы живы и что каждый день — это дар.

Педро только хмыкнул, отламывая кусок хлеба.

— Это напоминание о том, что повар забыл положить соль, — буркнул он, но без злости, скорее по привычке.

Родриго не обратил внимания на ворчание оруженосца. Он снова поднял взгляд на собравшихся, и теперь в его глазах читалось не стремление кого-то переубедить, а простое желание поделиться тем, что он чувствовал.

— Знаете, добрые люди, — негромко сказал он, — когда я был ребёнком, моя матушка говорила: «Даже самая простая похлёбка становится праздником, если её делят с хорошими людьми». Я не знаю, хорошие ли вы люди… но я надеюсь, что вы позволите мне разделить с вами этот скромный ужин.

В зале стало тише. Кто-то из соседей неловко кашлянул, кто-то опустил глаза, будто стесняясь своего недавнего смеха. Мужчина в кожаном фартуке, пахнущий дёгтем и копотью, медленно поднял кружку.

— За добрые слова, — пробасил он. — Пусть они не пустят корни в головах тех, кто привык к грубости.

Родриго кивнул ему в знак благодарности и снова взялся за ложку. На этот раз он ел спокойно, без пафоса, будто наконец-то нашёл то самое равновесие между своим долгом и реальностью этого задымлённого трактира.

Педро наблюдал за господином с лёгкой улыбкой. Он понимал: Родриго не перестал быть рыцарем, он просто на мгновение снял с себя тяжесть громких слов и позволил себе быть просто человеком — голодным, уставшим, но не потерявшим способность видеть красоту в мелочах.

— А теперь, — сказал Родриго, доев последнюю ложку и вытерев губы салфеткой, — если позволите, я бы хотел услышать ваши истории. Говорят, в каждом трактире живёт своя маленькая летопись — о радостях, бедах, о том, как люди справляются с тяготами жизни. Поведайте мне хоть одну такую историю, и я обещаю, что сохраню её в своей памяти, как хранят самое дорогое знамя.

Сосед в фартуке переглянулся с товарищами. В его взгляде мелькнуло удивление, смешанное с уважением.

— Истории… — протянул он. — Их тут хватает. Да только не все они про подвиги и славу. Чаще про то, как урожай не удался, как ребёнок заболел, как сосед помог донести мешок муки, когда сил уже не было.

— Именно такие истории и нужны миру, — спокойно ответил Родриго. — Потому что в них живёт настоящая доб-

лесть — не та, что сверкает на турнирах, а та, что помогает людям держаться на ногах, когда земля уходит из-под них.

Хиль, до этого молча стоявший в стороне, наконец подошёл ближе и поставил на стол кувшин с водой.

— Держите, — сказал он уже без прежнего подобострастия, а скорее как хозяин, который решил, что этот странный рыцарь всё-таки заслуживает уважения. — Вода у нас чистая, из родника. И если хотите, я расскажу вам про старую дорогу за деревней. Говорят, там в прошлом месяце пропали двое путников. Никто не знает, что с ними случилось… но люди шепчутся, что это не простая беда.

Родриго выпрямился, но в его движении не было прежней театральности. Теперь он слушал как человек, которому действительно важно то, что ему говорят.

— Спасибо, добрый человек, — тихо произнёс он. — Если позволите, мы задержимся здесь ещё на день. Я хочу узнать об этой дороге и, если смогу, помочь тем, кто ждёт вестей о своих близких.

Педро тихо вздохнул, но не стал возражать. Он знал этот взгляд господина — тот самый, когда Родриго уже не искал подвигов, а просто не мог пройти мимо чужой беды.

— Ладно, — пробормотал оруженосец. — Но если завтра придётся идти по этой дороге, я хотя бы хочу выспаться на нормальной кровати, а не на той скрипучей развалине, что нам дали в прошлый раз.

Хиль усмехнулся, впервые по-настоящему, без натянутой

улыбки.

— Есть у меня одна комната, — сказал он. — Не такая плохая, как кажется. С окном на восток, чтобы солнце будило мягко. И кровать там не поёт, как хор монахов на рассвете.

— Тогда мы принимаем ваше предложение, — кивнул Родриго. — И пусть сегодняшний вечер останется не воспоминанием о насмешках, а началом чего-то большего.

И трактир, наполненный запахами еды, дыма и усталых людей, будто вздохнул с облегчением. Здесь привыкли к грубости и подозрительности, но редко встречали того, кто готов был не только говорить о благородстве, но и слушать чужие беды. И в этой тишине, нарушаемой лишь стуком кружек и тихими разговорами, Родриго и Педро наконец почувствовали, что нашли место, где их хотя бы готовы выслушать.

Глава 7. О столкновениях с ветряными исполинами и иных примечательных происшествиях

Глава 7. О столкновениях с ветряными исполинами и иных примечательных происшествиях

Дон Родриго, вооружившись копьём, склонился в седле, зажмурился и с вдохновенным возгласом бросился вперёд. Педро, охнув от неожиданности, дёрнул свою лошадку за поводья, чтобы та не оказалась под копытами стремительного скакуна своего господина.

Грохот столкновения заставил замолчать даже птиц в окрестных деревьях. Дон Родриго с шумом повалился на землю, доспехи его жалобно звякнули, а копьё разлетелось на щепки, оставив один конец в деревянном крыле мельницы. Огромный механизм, качнувшись, скрежетнул и замер, больше не вращаясь под порывами ветра.

— Видишь ли, Педро, — прохрипел рыцарь, пытаясь подняться и отряхивая с доспехов солому и пыль, — подобные твари веками угнетают мир своим злобным дыханием. Те-

перь же, благодаря моему вмешательству, окрестные земли обретут покой.

Педро с опаской взглянул на замершую мельницу, затем на своего господина, который с достоинством, несмотря на грязь на лице, поправлял помятый наплечник.

— Покой-то обретут, господин, — проворчал оруженосец, подходя ближе, — только вот мука в деревне завтра закончится. И если мы не поторопимся в трактир Маэстро Хиля, то ужинать будем этой самой пылью.

Родриго расправил плечи и, не обращая внимания на насмешливый взгляд Педро, вновь водрузил шлем на голову.

— Твоё приземлённое мышление ослепляет тебя, добрый друг. Важнее не хлеб в утробе, а честь в душе! Вперёд же, ибо нас ждёт отдых и новые свершения.

Они двинулись дальше по извилистой дороге, оставив позади поверженного «исполина». Дон Родриго ехал с высоко поднятой головой, невозмутимо игнорируя то, что его правая поножка была безнадёжно погнута, а из-под шлема на глаза лезла рыжая прядь волос. Педро же, напротив, с каждым шагом всё больше ссутуливался, стараясь держаться подальше от господина — чтобы не попасть под возможный обстрел воображаемых стрел или случайный выпад затупленного копья.

— Честь — это прекрасно, — рассуждал оруженосец, перепрыгивая через глубокую колею. — Но честь не залатает дыру в вашем нагруднике. Посмотрите-ка, там же явная тре-

щина! Если мы встретим настоящего разбойника, он проткнёт вас насквозь, даже не стараясь.

— Пусть только попробует, — отозвался рыцарь, и в его голосе зазвучали стальные нотки. — Ибо любой, кто посмеет покуситься на жизнь того, кто встал на защиту обездоленных, сам станет жертвой собственного беззакония.

Педро лишь вздохнул. Он уже представлял себе мельника из соседней деревни, который сейчас с ужасом обнаруживает, что его мельница превратилась в груду обломков из-за внезапного приступа благородства господина.

К вечеру впереди показались приземистые стены трактира Маэстро Хиля. Здание выглядело добротным и уютным; из трубы поднимался сизый дым, а у входа, лениво помахивая хвостом, дремал старый пёс. Дон Родриго заметно оживился, поправил меч и с видом победителя направил коня к крыльцу.

— Наконец-то, Педро! Место, где мы сможем восстановить силы и перевести дыхание перед новыми свершениями. Надеюсь, Маэстро Хиль подготовил для нас достойный приём, подобающий воинам.

Педро спешился первым и с трудом потянул за собой коня. Он с сомнением глядел на господина, который пытался сохранить величественную осанку даже в момент спешивания. Оруженосец знал: если в трактире не найдётся подходящего вина или еда окажется недостаточно горячей, Дон Родриго может объявить владельца заведения коварным колду-

ном или слугой тьмы. И тогда ночь обещает быть долгой.

Как только они вошли, шум в зале резко стих. Посетители, только что оживлённо споривши о ценах на зерно и погоде, замерли, разглядывая помятого рыцаря и его усталого оруженосца. Маэстро Хиль вышел из-за стойки, потирая руки, и на лице его мелькнуло то самое выражение, с каким смотрят на человека, который только что попытался унести из трактира дубовый стол — не из жадности, а по какой-то высокой причине.

— А, наши благородные гости! — произнёс Хиль, стараясь звучать бодро. — Рад видеть вас… в целости. Или почти в целости, — добавил он, бросив взгляд на погнутую поножку Родриго.

— Не стоит беспокоиться о мелочах, любезный хозяин, — торжественно заявил Родриго, снимая шлем и оглядывая зал так, будто оценивал поле грядущей битвы. — Истинный рыцарь не страшится ни вмятин, ни царапин — они лишь украшают его летопись подвигов.

Педро закатил глаза, но сдержался. Вместо этого он шагнул вперёд и тихо, но твёрдо сказал:

— Нам бы комнату и ужин, да поскорее. И, если можно, без лишних разговоров о подвигах. Господин сегодня… несколько воодушевлён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.